

«...Певцу надо две жизни иметь»

Лауреат Национальной оперной премии «Онегин» Юрий Девин начал учиться вокалу в 26 лет, не зная... нот

«Урал Опера Балет» отметил 30-летие творческой карьеры ведущего баритона театра заслуженного артиста России Юрия ДЕВИНА. Юбилей по этому поводу пошутил, что вообще-то, помимо вокала, в его послужном списке еще профессий семь: электриком работал, плотником, сантехником, уголек кидал – истопником был. Еще – моторист-матрос. А в мединституте на практике «роженицу в больницу отвозил – медбратам спокойно могу работать». Потом лауреат Национальной оперной премии «Онегин» Юрий Девин признался: певцом вообще мог не стать. Судьба решилась... за сорок минут.

– За сорок минут решила судьба? Где и когда такое могло случиться?

– Студенты-медики ехали на картошку. Пел «Ой, мороз, мороз...», еще какие-то народные песни. И вдруг приятель говорит: да тебе надо в консерваторию, учиться петь. А у меня даже начального музыкального образования нет! Но рискнул, прослушался – спел романс, проверили слух, ритм. Поставили три пятерки, но никаких гарантий никто не давал.

– Нот не знали, музыкальную грамоту не знали. Только в 26 начали учиться вокалу! Другие в это время дебютируют. Как вы все наверстывали?

– С трудом. **В училище со мной мальчишки-девочки сидели: они были после восьмого класса, по 14 лет. А мне шел 26-й.** Да, все непросто, себя надо было перебарывать. Случалось, сильно сомневался в себе и в выборе: блин, была же серьезная профессия, на что я ее променял? Впервые сомнения возникли, когда потерял голос. Несмыкание связок. И ощущение было – словно солнце погасло. Состояние тяжелее. Тогда и подумал: я же на флоте семь лет был, все серьезно, по-мужски. Да зачем мне это? Я же в вокале – как чистый лист. Музыкальная грамота, сольфеджио – на нуле. Правда, как сказал мой однокурсник, я был упрямый как баран.

– И как вы, пытающийся «заскочить в последний вагон», представляли себя в профессии? В театре? Или – «пою на эстраде»...

– Только в оперном театре. Хотя... в опере до этого никогда не был. Случалось, слушал оперы дома по телевизору. Мама подойдет: «Юра, тебе что – интересно?» Да! Да! Думаю, что это судьба. От нее трудно уйти. Невозможно передать словами то удовольствие, когда ты чувствуешь звучание голоса.

– Но с чем это можно сравнить? Для тех, кто не поет...

– Это физиологическое удовольствие. Ученые говорят, что на первом месте по эмоциональному влиянию на человека нахо-

За создание образа Дон Жуана в одноименной опере Моцарта в 2001 году Юрий Девин был удостоен премии областного конкурса «Браво!» в номинации «Лучшая театральная работа»

дится музыка и только на втором – любовь. Даже так! А ведь настоящее, большое чувство – тоже редкость. «От счастья любви наворачиваются слезы...» Ну разве так у всех? Мне на 150 процентов повезло с женой: мы с *Наташей* вместе уже 35 лет. Но (*улыбается*) удовольствие петь еще круче.

– Однажды вы образно сказали о таланте – «входной билет в темную комнату». Войти можно, но неизвестно, что ждет. Голос еще ничего не гарантирует в профессии. А при этом вспомнили *Шалапина*: «Певцу надо две жизни иметь. Одну – учиться вокалу, другую – петь»...

– И это говорит гений! Что уж о нас-то, смертных?! Надо учиться изо дня в день, на каждом спектакле, в каждый свой выход на сцену. Другого пути нет. Второй жизни, к сожалению, тоже. Поэтому приходится петь и одновременно учиться. А это сложно. В слесарном деле научился гайки точить – и точишь. А здесь один раз получила «гайка», а второй (нездоров, например) – она не получается, хоть тресни. Тогда на помощь приходит мастерство, навыки в профессии. Но и тут все время – вверх-вверх, преодолевая очередную ступеньку. Убежден: по горизонтали двигаться нельзя. Если не вверх – сразу движение вниз.

– Но если «все-таки вверх» – как это конкретно в вашей профессии? Собственными занятиями? Прослушиваниями великих?

– Только занятия. Раньше я своих домашних буквально изводил. Говорил жене: «Наташа, иди сюда, слушай!» И пропевал

варианты одного и того же. И она говорила: вот это лучше, а это – менее выразительно. Мы же слышим себя внутренним слухом, а это искаженное представление. Нужно постороннее ухо, особенно на первом этапе. Активно себя слышать начинаешь только с опытом. Тогда и понимаешь: здесь я правильно делаю, а здесь нет. А кроме голоса, еще много чего надо. Вот в драматическом спектакле *Смокуновский* выходил на сцену, а уровень артиста был такой: что ни сделает, какую паузу ни держит – все равно глаз не оторвешь, завораживает... А у нас нельзя: артист оперы связан музыкой, жестко регламентированным темпом. «Четвертушки», «восьмушки» – все предельно значимо. На сцене мелочей нет.

– Вот-вот, про то и спрашиваю. Про «мелочи», судьбоносные в профессии. Например, вы же как-то говорили, что сценическое волнение надо отличать от страха? Как это можно различить?

– Волнение мобилизует, подстегивает. А страх сковывает. У меня была педагог: прекрасный голос, красавица – вроде все для театра, но она сама говорила: панически боюсь сцены. Это склад характера, который не всем талантам удается преодолеть. Как говорит *Светлана Васильевна Зализняк*, «у певца все запятыя должны быть в одну сторону: это хорошо, это хорошо и это – голос, ритм, пластика и т.д.» Тем более это же – театр: значит, ты должен существовать не только как певец, но и как актер. Есть певцы с прекрасным голосом, а по сцене как Буратино ходят. Но

это же не в филармонии, у рояля. В общем, если хоть одна «запятая» будет не в ту сторону – ничего не получится.

– Умение носить исторический костюм – из этих же «запятых»? Опера – в абсолютном большинстве костюмные спектакли. Вспоминаю: ваш выдающийся коллега Николай Гольшев сетовал, что в «Евгении Онегине» молодые певцы плюхаются на скамейку, не откинув фалды фрака...

– Абсолютно точно! Вот только что на премьере оперы «Черевички» я вышел в образе **Светлейшего. Светлейший! Само слово обязывает... Так вот, перед спектаклем беру трость и какое-то время хожу за кулисами «как светлейший»: держишь спину, чуть выворотом ставишь ноги. Героя надо почувствовать и физически** (как голову поворачивает, как перчатки бросает в снятый цилиндр) – все работает на образ. Если не будет соответствовать ему, времени – возникает нелепость, все рушится.

– Сейчас оперу стараются петь на языке оригинала. Я даже завидовала оперным певцам: мол, итальянский-то они в силу профессии должны знать, учить не надо. Большинство же опер на итальянском...

– Я был в Италии три раза, пел там в «Травиате», «Чио-Чио-сан», но... Язык усваивается с детства или нужны неимоверные усилия. Но... не так все грустно. Мой друг *Бруно*, директор департамента культуры города Абано-Терме, что недалеко от Венеции, говорит: «Юра, когда ты поешь, я понимаю твой итальянский» (*смеется*). Фонетика так устроена, что она связана с музыкой.

– В 2020 году вы получили премию «Онегин» в номинации «Мастер сцены». Признание – выше некуда...

– Сам удивляюсь (*смеется*).

– При этом неожиданно было услышать от вас однажды: «В репертуаре, в числе других партий Онегин от меня подальше».

– Я имел в виду: Онегин как характер. Он холоден, разочарован в жизни, в женщинах. Он сноб. Я не сноб. Очень люблю смотреть спектакли в Музкомедии, и я благодарный зритель. Могу не то что не заметить, но не придавать значения мелким накладкам, шероховатостям – знаю, сколько сил, энергии, эмоций затрачивает артист. Я не то что снисходительно, а с пониманием на это смотрю. Но, кстати, если нравится – нравится, а если заезвал... Понимаю: неудобно выходить из зала во время спектакля, но – мучиться не буду.

– Вот теперь вижу: да, Онегин далеко от вас. Вообще, у вас чувство юмора – не оперного певца. Привычно видеть, что они несут себя. Соответственно жанру. Да и сюжеты тут – интриги и кровища чуть не в каждом спектакле. То отравили, то зарезали...

– Так не меня же!.. В Музкомедии я пел. Но стремился в оперу. Интереснее было, в том числе вокально. Что касается героев, от меня и Фигаро далеко. Я не такой. Мне ближе драматические характеры и судьбы. Грязной, Яго... Никогда не думал, что буду петь Голландца: это крепкий баритон. А я начинал как баритон лирический. «Онегин», «Севильский цирюльник»... Князя Игоря вообще басы высокие поют. Я пою своим голосом, но «металл», который есть в голосе, позволяет. Если убеждаю зрителя – значит, все идет верно. Понимаю, что другим голосом надо петь эту партию, но (*улыбается*) – чем богаты... Наше искусство еще чем интересно и сложно: в драме, если плохой герой, то и в голосе это можно передать, голос изменить. А у нас герой – злодей, убийца, а поет красиво. Ради этого в оперу и идут. Кто-то говорил: «Что самое главное в опере? Голос, голос и голос». Правда, все равно важно понять: почему герой так поет. Второй год преподаю в училище и постоянно говорю ребятам: смотрите внимательно, почему в партитуре так написано – у выдающихся композиторов нет ни одной случайной ноты.

– 30 лет вокальной карьеры, а значит, безупречного владения голосом... Какие есть заповеди – писанные-неписанные, ваши-общие – сохранения голоса? Ведь возраст неизбежно поддавливает.

– В консерватории нам говорили: нельзя пить, курить, надо много отдыхать, спать, есть. Прекрасная профессия! Но если серьезно: чтобы наполнять голосом зал, чтобы не потеряться в звучании оркестра – столько сил необходимо. Да, режим прежде всего: во время сезона мороженое нельзя, сквозняков избегать, чтобы шея была закрыта. Но главное – правильно петь. Не перестая восхищаться *Лемешевым*: после операции он пел без одного легкого. Конечно, уже не спектакли – но как он пел концерты! То же самое *Козловский* – пел до 90 лет. Снова – физиологически правильное пение. Не удивляйтесь даже слову – «технология». Как штангист поднимает штангу? Без технологии он себя порвет. Техника исполнения – она везде: в спорте, пении, драматическом искусстве. И с голосом это важно. Когда правильно поешь – поешь все лучше. Великие пели до последних своих дней.

Я свой уровень понимаю и свое место в этом мире (*смеется*). Хотя, да, в «Летучем голландце» испытал этот желанный творческий полет – словно отрываешься от сцены. Случается очень редко, но бывает – когда все соединяется, сходится, все получается. Поднимаешься точно на крыльях. Это и называется вдохновением. Да, есть нечто в нашей профессии, что ни с чем не сравнимо.

Ирина КЛЕПИКОВА